

18+

Сергей Курфюрстов

ДОМ КОШКИНА

**ИНСПЕКТОР
ЯНКОВЕЦ**

Сергей Курфюрстов Дом Кошкина: Инспектор Янковец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23304873

ISBN 9785448389573

Аннотация

«Главное – выжить! Мертвые не побеждают!». Продолжение повести «Дом Кошкина. Маша Бланк» о жизни простой семьи, каждодневно выживающей в условиях нацистской оккупации. Степан, поначалу встретивший немцев, как освободителей, начинает понимать пагубную ошибочность неверно принятого первоначального решения, исправлять которое ему придется самому...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	21
Глава третья	34
Глава четвертая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Дом Кошкина:
Инспектор Янковец**

Сергей Курфюрстов

© Сергей Курфюрстов, 2021

ISBN 978-5-4483-8957-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Воронье... Черное-пречерное. Сытое и важное. Не спеша расходится. Небольшими группками. Хозяевами себя чувствуют. Сколько же их тут собралось? Тысяча? Больше? Столько полицейских в одном проклятом месте! В глазах темно от черной формы. Со всей области слетелись на это свое полицейское заседание. Словно вороны на свалку костомольного... и как мне Степана среди них найти? Мать велела деньги передать. В долг. До полочки. Банкет ему подавай! Послезаседательный. Придется на дороге стоять и высматривать. Все равно он в сторону управы пойдет. Может, сам меня и заметит.

Прижавшись спиной к забору, я внимательно всматривался в лица проходивших мимо меня полицейских в надежде разглядеть среди них Степана. Было около семи часов вечера, и дневное тепло последних дней лета медленно уходило, уступая место вечерней приятной прохладе. Странно. Кажется, не я один кого-то жду. В черноте полицейских мундиров бельмом на глазу выделялся светло-серый форменный китель немецкого солдата, видимо, тоже кого-то поджидавшего, стоя у калитки метрах в двадцати от меня. Откуда он здесь взялся? Еще минуту назад его там не было. И что, вообще, он там делает? Стоит, курит и так же, как и я, внимательно всматривается в лица проходящих мимо людей. Один ря-

довой немецкий солдат в этой безликой полицейской массе. Вот только не похож он на рядового. Тех я видел. Молодые, крепкие, нагло улыбаются, будто победа уже у них в кармане, – а этот староват. На вид лет тридцать. Скорее фельдфебельская форма ему бы подошла. Нет... Что-то в нем не так. Пистолет-пулемет? Точно! Он висит у него на груди! Рядовые так не носят. У них оружие старое, с боковым магазином, – на грудь не повесишь. А у новеньких шмайссеров рожок снизу, но я их только у офицеров видел. Его и на груди, и на боку носить можно. Это определенно не рядовой. Но кто? И что здесь делает?

– Украинский вопрос может быть решен только при содействии германских властей и тогда, когда для этого созреют необходимые условия, – за моей спиной, твердо выражая непреклонную уверенность в собственной правоте, какой-то незнакомец четко выговаривал заученные фразы громким хорошо поставленным голосом.

Я оглянулся. В компании нескольких полицаев и двух штатских, внимательно вслушиваясь в слова одного из них, в нескольких шагах от меня подбоченясь стоял Степан. Наблюдая за немецким солдатом, я задумался и совершенно не заметил их приближения.

– Итак, как я уже говорил на сегодняшнем собрании, – поглаживая расчесанные на идеальный пробор коротко стриженные волосы, продолжал высокий человек средних лет, – мы абсолютно убеждены, что как только Германия покончит

с Черчиллем и Сталиным, тогда и будет решен вопрос о самостоятельности Украины.

Подчеркивая выразительность речи, его усы «щёточкой» при каждом слове заметно шевелились, а круглые очки добавляли проникновенной серьезности выражению лица. Второй штатский, безусловно соглашаясь, покивал головой и, подняв указательный палец вверх, наставительно добавил:

– А имея собственное государство, украинский народ станет полноправным хозяином своей судьбы, навеки избавившись от тотального порабощения и жестокой эксплуатации со стороны других государственных наций!

Я осторожно подошел к Степану и дернул его за рукав. Он обернулся, обнял меня за плечи и прижал к себе.

– Это, Николай Орестович, племянник мой, – представил меня Степан, – тоже от советской власти премного настрадался.

Что он несет... этот дядя Степан? С чего это я настрадался? Это Кошкин нам горе в дом принес. Но Кошкин – это еще не вся Советская власть. Ладно, помолчу. Все равно меня не послушают.

– Тебя как зовут? – спросил Николай Орестович.

– Коля, – ответил я.

– Тезки, – он усмехнулся холодной задумчивой улыбкой и, обращаясь к присутствующим, призывным голосом произнес, – вот для этих хлопцев и добываем мы вольную Украину!

Потрепав меня по волосам, штатские распрощались со Степаном и его сослуживцами и отправились по Большой Бердичевской в сторону городской управы.

– Кто это? – спросил я.

– Это же сам пан Сциборский!¹ Выдающийся, надо заметить, руководитель, – Степан с восхищением долго смотрел вслед Николаю Орестовичу, явно гордясь тем, что такой известный человек уделил ему немного своего внимания.

О чем-то оживленно беседуя, Сциборский и его товарищ шли вдоль покосившихся заборов, ограждавших старые облезлые хатки, отделенные друг от друга кривыми улочками шириной в запряженную телегу.

Они почти поравнялись с немецким солдатом, когда из глубины одного из переулков вынырнул какой-то человек и торопливо последовал за ними. Человек, как человек. Мало ли людей по улицам ходит? Может, еще один почитатель руководящих талантов пана Сциборского. Черт с ними. Надо поручение матери выполнять. Я засунул руку в карман, намереваясь достать предназначенные Степану деньги, как два неожиданно раздавшихся выстрела заставили меня вздрогнуть. Я поднял глаза. Друг Сциборского лежал на земле лицом вниз. Вокруг его головы, быстро увеличиваясь, растека-

¹ Николай Орестович Сциборский (1898—1941). Полковник армии Украинской народной республики. Один из руководителей Организации украинских националистов. После раскола на «мельниковцев» и «бандеровцев» – на стороне А. Мельника. Теоретик и сторонник интегрального национализма. Родился в Житомире, там же 30 августа 1941-го в результате покушения на жизнь был убит.

ласть лужица крови. Сам Сциборский лежал на спине, тщетно пытаясь приподняться. Голова его была цела, но изорванное раной лицо было совершенно обезображено.

Находившийся в трех шагах от места покушения немецкий рядовой отскочил от забора и, не раздумывая, выстрелил в нападавшего. Убийца пошатнулся и, падая, выронил пистолет. Перевернувшись на бок, он протянул руку к солдату и что-то прокричал. Что именно? – в толчее и суматохе расслышать было невозможно. Второй выстрел заставил его замолчать. Совладав с первой оторопью, Степан с сослуживцами бросился к месту убийства, на ходу вынимая оружие из кобуры. Я мчался за ним.

– Затвор! Немец не передернул затвор! – на бегу кричал я, – он передернул его раньше, будто знал, что так произойдет!

Сциборский был еще жив. Звук первого выстрела заставил его обернуться, и пуля, угодив в лицо, прошла насквозь обе щеки, обнажив челюсть с выбитыми выстрелом обломками зубов. Его соратник был мертв. Нападавший тоже.

– Машину, скорее машину! Его нужно доставить в больницу! – кричали люди со всех сторон.

Я оглянулся, пытаясь отыскать глазами немецкого солдата, но тот был уже далеко: – почти поравнялся с установленной напротив памятника Пушкину гипсовой статуей девушки с веслом. Русского поэта немцы почему-то пока не тронули, а вот «девушку с веслом» решили расстрелять. Теперь

вместо ног из статуи уродливо торчала железная арматура конструкции.

– Немец уходит, – шепнул я Степану.

– Проследи за ним, – взбудоражено выкрикнул он, – только осторожно. Издалека. Близо не подходи.

Я рванул за солдатом. Тот шел быстро, нагло расталкивая привлеченных звуками выстрелов и бегущих навстречу полицаев, торопившихся поскорей оказаться на месте происшествия. Гражданские, наоборот, старались убежать как можно дальше, чтоб не попасться под руку немецким патрулям и не оказаться в горьком положении заложников. По дороге, сопровождаемые испуганными взглядами людей, на большой скорости промчались два легковых автомобиля. Немец остановился, посмотрел им вслед и криво усмехнулся. Затем, бегло оглядев суетящихся прохожих и, видимо, не заметив ничего подозрительного, быстро зашагал в сторону управы. Прячась за спинами людей, я последовал за ним.

Свернув с Бердичевской на Михайловскую, немец перешел на другую сторону улицы и смешался с толпившимися у продуктового магазина людьми. Просочившись сквозь них, он повторил маневр и, оказавшись по правую сторону дороги, остановился, снял с головы каску и резко оглянулся. Его взгляд встретился с моим. Цепко и холодно. До замирания в душе. Его зрачки. Я снова их вижу. С такого расстояния это, конечно же, невозможно, но я точно знаю, какие они у него. Маленькие, непростительно маленькие, без-

жалостные и бездушные, насмешливо-презрительные, с жестокой ненавистью пронзающие меня насквозь, бесчеловечно-изуверские зрачки. Теперь, без каски, я его узнал. Унтерштурмфюрер СС, убивший на моих глазах беременную девушку в Богунском лесу и в шутку приказавший Степану меня расстрелять. Это был он.

На секунду опешив, я все же совладал с собой и нырнул в подворотню. Проскочив дворами лекторий, ноги вынесли меня на Киевскую и, перебежав ее, я укрылся в скверике напротив бывшего военкомата. Теперь тут располагалось гестапо.

Липа и росшие вокруг кусты защитили от посторонних глаз, дав возможность отдышаться и подумать. Значит, я был прав. Это не рядовой солдат. И был он там не случайно. Немец знал, что ему придется стрелять, и потому передернул затвор заранее. Он выстрелил в убийцу, – и это вроде бы правильно, – но зачем он его добил? И почему не дождался своих? Зачем сбежал? Если бы это был простой рядовой – тогда понятно. Был в самоволке и сбежал от ненужных объяснений. А может, это и было рассчитано на то, чтоб все так подумали? Может быть...

Я еще раз оглядел противоположную сторону дороги. Перекрытый шлагбаумом и охраняемый двумя солдатами въезд во двор гестапо просматривался хорошо. Столовая для немецких офицеров тоже. Ни там, ни тут никакого движения. Было около половины девятого вечера, и с наступлени-

ем темноты город начал понемногу пустеть. Выходит, немца я упустил, но теперь хотя бы знаю, что это не был простой солдат. Куда он мог пойти? Прямо? Там одни жилые дома. Маленькие и невзрачные. Вряд ли офицера расквартировали бы там. Направо по Киевской? Возможно. Там дома побогаче. Что там еще? *Почта*? – в такое время она закрыта. *Бордель*? – недавно открытое по указанию военной администрации заведение для немецких солдат и офицеров? Точно! Ведь там можно переодеться! И тогда, – все! Был солдат, и нет его!

Значит, можно уходить. Ждать дольше бессмысленно. А за борделем нужно понаблюдать. Здание знакомое. Двухэтажное. До революции там купеческий доходный дом был. Для богатых постояльцев. А потом гостиница для колхозников. Окна выходят во двор, и на улицу. Двери тоже. Жиличек, по словам Женьки, всего четыре. Голландки. Добровольно приперлись поддержать дух немецких солдат, – курвы идейные! Но к ним только офицеров подпускают. А солдатам обещали угнанных латышек привезти. Не хотят свою пёсью арийскую кровь местными женщинами осквернять. Брезгают, гады!

На улице стемнело. Вот-вот комендантский час, и надо торопиться. Домой минут сорок топать. Успею. Человека, идущего по тротуару, вперед пропущу и за ним пристроюсь. Запоздалый прохожий, одетый в гражданский костюм и с надвинутой на глаза шляпой, торопливо прошагал мимо меня.

В темноте его лицо не было видно, но походка... Черт! Вся та же марширующая походка! Идет, коленки кузнечиком выбрасывает, носок тянет, левую руку к себе прижимает, будто оружие придерживает; правой размахивает. Он или нет? Может, кто-то другой? Мало ли вояк сейчас развелось. Я дал ему уйти метров на тридцать вперед и осторожно последовал за ним. На углу Театральной он повернул, и уличный фонарь на секунду осветил его лицо. Он! Точно он! Значит, переоделся и теперь думает, – все? Концы в воду? Не получится! Я добежал до перекрестка, прильнул к стене крайнего дома и, спустившись на корточки, осторожно выглянул из-за угла. Немец, пройдя немного вперед, зашел во двор между двух трехэтажных домов, окнами выходящих на Преображенский собор, и скрылся из виду. Бежать за ним? Нельзя! Вдруг он меня заметил и в засаде караулит? Я побежал назад к скверику, сзади обогнул угловой дом и заскочил во двор со стороны Киевской улицы. В дальнем подъезде негромко хлопнула дверь, и через несколько минут в окнах третьего этажа зажегся свет. Вот ты и попался, фашист!

Довольный собой, я помчался домой. Теперь будет, что Степану рассказать. Да и ему тоже. Что со Сциборским? Выжил ли? Если немцы устроили на него покушение, может он не такой уж и враг. Или все-таки враг? Как же во всем этом разобраться?

Степан сидел у нас дома, с беспокойством ожидая моего возвращения. Мать разогревала еду, зная, что самое позднее

к десяти часам, я должен быть дома; Маша помогала с посудой. На столе стояла непочатая бутылка водки и две рюмки.

– Ну, наконец-то! – не сговариваясь и почти хором; всплеснув руками, выкрикнули все трое, невольно вызвав у меня довольную ухмылку и, даже, слегка развеселив.

– Что с Николаем Орестовичем? – спросил я Степана.

Тот скривил печально-жалобную мину, растеряно развел руками и, тяжело вздохнув, сообщил:

– Умер. Пока довели, кровью истек. Часа три мучился.

– И что теперь будет? Кто его убил? Что люди говорят? – я засыпал Степана вопросами, оставляя узнанное мной на потом.

– Беда будет, – покачал головой Степан, – у убийцы документик при себе нашли. В Берлине выданный. И не кем-нибудь, а Украинским доверительным фондом. «Бандеровцем» он оказался. Теперь народ Бандеру судить требует. И помощника его, Стецько, тоже. Братоубийственная война случится может. Украинец на украинца пойдет. Вот, что люди говорят.

– Так, как же его судить? Когда он там, в Галиции!

– Требуют, чтоб заочно. И непременно со смертным приговором. Разгневаны люди. Всех «бандеровцев» повесить хотят. Как бы у нас тут вторая гражданская война не началась! Этого только не хватало, – Степан озадаченно почесал затылок и нервно постучал пальцами по столу.

– А люди Бандеры что говорят? – снова спросил я.

– Так клянутся, что не они это. Говорят, незачем им было

Сциборского и Сенька убивать. Наоборот. Примирения искать хотели. А теперь... какое уж тут примирение.

– А что вы с «бандеровцами» не поделили? – спросила мать. – Вроде и те, и другие за самостоятельность Украины выступают. Отчего ж вам между собой ссориться?

– Мы, «мельниковцы», как говорит... эх, – печально махнул рукой Степан, – как говорил пан Сциборский, движение умеренное и консервативное. За мирную самостоятельность. Так, чтоб без крови. А «бандеровцы», – им бойню подавай! Непримируемая вооруженная борьба против всех несогласных. Такой у них девиз. Так нельзя! Хватит Украине юшкой кровавой умываться! Наше руководство уже к немцам обратилось, чтоб они этих «бандеровских» душегубов наказали, как следует.

– Получается, германские власти одних украинцев будут наказывать по просьбе других украинцев? Хитро придумано. Сначала всех натравили на евреев, потом украинцев поспорили с поляками, а теперь украинцы просят оккупантов наказать других украинцев. А немцы вроде как чистенькие остаются. И что ты на это скажешь, дядя Степан? – ехидно спросил я.

– Не знаю, – растеряно пробормотал он.

– Ты, наверное, курить хочешь, – шепнул я, – пойдем во двор, расскажу чего.

Во дворе Степан достал из кармана папиросу, подкурил и, жадно затянувшись, вопросительно мотнул головой.

– Чего рассказать-то хотел?

– Проследил я за немцем. До самого дома проследил, – начал я, – так вот: никакой это не солдат. Офицером эсэсовским оказался. Да еще и знакомцем нашим. Он, когда каску снял, я сразу его узнал.

– Ну? И кто такой? – в нетерпении перебил Степан.

– Унтерштурмфюрер из Богунского леса. Тот, что девушку беременную убил и меня расстрелять тебе приказал! Помнишь его?

– Неужели он? Помню, конечно. И девушку помню. Считай, благодаря ей ты живой остался.

– Как так? – удивился я.

– Немец, когда в нее пулю выпустил, я невольно на звук выстрела обернулся. Тут-то я тебя и заметил. Если б не обернулся, – *все!* – угнали бы тебя в яму со всеми!

Неожиданно нахлынувшая боль сковала грудь, и защемило в сердце. Я тщетно пытался вдохнуть хотя бы маленький глоточек воздуха, но сжавшиеся в комок легкие отказывались его принимать. Лицо, плечи, кожа тела вновь занялись испепеляющим огнем, сжигающим меня дотла. В золу, в угли... до пепла самых крохотных костей... Голова закружилась, земля зашаталась под ногами, и я судорожно вцепился в спасительные руки Степана. Все, как тогда.

– Что с тобой, Коля? – испуганно вскрикнул он, подхватывая меня своей сильной рукой.

– Не знаю... кровь. Я чувствую в себе ее кровь. Мне ка-

жется, она сжигает меня изнутри и от этого становится больно дышать. Такое было со мной... уже несколько раз...

– Давай-ка на бревнышко присядем, – Степан аккуратно усадил меня на деревянную колоду и, обняв за плечи, сел рядом со мной, – это пройдет, Коля. Со временем обязательно пройдет. У меня похожее было. Я, когда в восемнадцатом году солдатика того немецкого заколол, – про которого баба Галя рассказывала, – так у меня потом по ночам руки судорогой в кулаки схватывались. Будто все тот проклятый штык держу. Меня и к доктору водили. Так он сказал: все это от детского психастического переживания. Как неокрепшая душа очерствеет чуток, – так оно и пройдет.

– А если я не хочу, чтобы душа черствела? – немного успокоившись, спросил я.

– А ничего страшного в этом нет, – уверенно продолжил Степан, – страшно, когда душа жестокой становится. Тогда беда. Знал я таких, – не исправишь. А очерстевшая... так она всегда оттаять может. У меня эти судороги были аж пока на Оксане, жене моей покойной, не женился. А как женился, так душа помягчала и болезнь эта психастическая совсем ушла.

– А обязательно было его убивать? Солдата того... – повернувшись к Степану, я попытался заглянуть ему в глаза.

– Нам конь его был нужен. До смерти нужен, – внезапно помрачнев, ответил он, – без мяса того коня, мы бы зиму не пережили. Все бы померли. И баба Галя, и Валюша... ма-

тушка твоя. А немец добровольно ни за что б его не отдал! Они тогда в ноябре восемнадцатого года к Ровно отступали. От «красных» драпали. Тут я этого хромого коня и приглядел. Километров десять за ними крался. Все выжидал, когда же немец с этим хромым конем от своих отстанет. Метель была... Несильная. Так, выюжило. Он в лесочке остановился... нужду справить, тут я его и застиг. Штыком. Коня забрал и назад. Страху натерпелся, – не приведи Господь! Мне ж тогда четырнадцать было. Как тебе сейчас. Но от этого жизнь зависела. И не только моя. Понимаешь?

– Угу. Наверное, так было надо...

Немного помолчав, Степан вновь задумчиво посмотрел на меня и, размышляя, подытожил:

– Значит, что у нас получается? Немецкий рядовой на деле оказался эсэсовским офицером. Это раз. Он знал о покушении и заранее приготовился стрелять. Это два. И в-третьих, нападавшего могли взять живым и допросить, но гитлеровец его добил. Типа: концы в воду. И вдобавок, чуть ли на блюдечке, из кармана убийцы появляется документ, ясно указывающий на его связь с «бандеровцами». Подстава это, Коля. Самая, что ни на есть, наглая подстава. Но зачем?

– Говорил я тебе, Степан, – зачем. Немцы сначала, по вашей же просьбе, «бандеровцев» перебьют, а потом еще один такой трюк провернут и за вас возьмутся. Когда вы им больше нужны не будете.

– Ну, это мы еще посмотрим, – грозно рявкнул Степан, –

разберемся, что тут к чему.

– Что предпринять-то думаешь?

– Значит, так, Коля. Ты с хлопцами своими в это дело не лезь. Это вам не полицаев пустоголовых отравой поить. Тут серьезные и опасные люди замешаны. Я уже жалею, что послал тебя за ним проследить. Кто же знал, что он офицером окажется? К тому же ээсовским. А расследование я сам проведу. Я же все-таки криминальоберассистент. Добрэ?

Я кивнул.

– Ну, тогда пошли в дом, ужин стынет.

– Постой, Степан, – остановил я его, – тот ээсовец...

– Что с ним?

– Я хочу его убить...

– Вот как? – с печальной жалостью взглянул на меня Степан. – Убить, значит? Ну-ну... Что тебе сказать? Изменился ты, Коля. Очень изменился. Смотрю на тебя: вроде мальчишка, как мальчишка. Но вот глаза... уже совсем не детские... Огонь недобрый в них горит. За девушку отомстить хочешь? Понимаю. Но выкинь это из головы. Пока, во всяком случае. Тут по-взрослому решать надо. СС организация серьезная. Шутки с ними плохи.

– Что значит по-взрослому?

– По-взрослому – это по уму. Вам полицаев в речке утопить разок повезло, – так думаете, теперь всегда везти будет? На везение рассчитывать глупо. Что самое главное на войне?

– Победить?

– Нет, Коля, – выжить! Мертвые не побеждают. А вот сможешь в живых остаться – тогда, глядишь, и победить сумеешь. Ты хлопец смысленый. Так что сначала думай и только потом делай. И со мной советоваться не забывай. Первым в пекло не лезь. А то твоя еврейская принцесса без молодого козака останется! – толкнув меня локтем в бок, Степан благодушно ухмыльнулся и, обрывая разговор, властно командовал. – А теперь, – всё! Ужинать пошли. Надеюсь, ты меня понял.

Взяв за руку, он помог мне подняться с колоды и, легонько подтолкнув вперед, потянул за собой в дом, откуда доносился приятный запах готовящейся еды...

Глава вторая

– Степан прав. Не нужно вмешиваться, – заключил Генка, внимательно выслушав мою версию убийства пана Сциборского, – зачем нам «бандеровцев» защищать? Они против Советской власти выступают! А значит, – такие же враги, как и немцы!

– Именно так! – гневно добавила Маша. – Даже, если они тут не замешаны, ими столько невинной крови пролито, что тысячу раз осудить мало!

– Я не спорю. Просто до правды докопаться хотелось...

– А не надо для «бандеровцев» правду искать! Свою они растеряли, а нашу не заслужили! Пусть их теперь немцы как собак бешеных бьют – я только порадуюсь, – возмущенно выкрикивал Генка, после каждого слова выпуская изо рта холодный пар.

С первым днем осени начались затяжные дожди, лившиеся не переставая, вот уже второй день подряд. Лето кончилось так внезапно, что изнеженное августовской жарой тело, еще не привыкнув к перемене погоды, жестоко страдало от ночных холодов. Сидя на кровати и укутавшись в тонкое одеяло, я наблюдал, как Маша ловко вывязывает из клубка собачью шерсть, сотворяя нечто, что, по ее словам, должно превратиться в теплую зимнюю жилетку.

Можно, конечно, печь затопить, но дров осталось почти

ничего, и будут ли они – неизвестно. Вырубку деревьев немцы запретили, а весь уголь на грузовом трамвае доставлялся с вокзала прямо на электростанцию. Людям не выдавали. Пришлось хворост на Русском кладбище собирать. Промокли с Генкой насквозь. Но выбора не было. Сегодня уже не досталось. Местные выгребли все. Даже листья.

– Что-то Казик долго не идет. Он точно к десяти обещал? – спросил я у Генки.

– Таков был уговор. Может, от дождя где-то прячется, – ответил он, взглянув на настенные часы.

Половина второго. За окном послышался негромкий шорох мягко подкатившего автомобиля, и через несколько минут в дверь постучали. Коротко, отрывисто, в два раза. Тук-тук, пауза, тук-тук-тук. Мать. Удар ногой. Предупреждает: не одна.

Маша, схватив перину и вязание, мигом скрылась в своей потайной комнатке; Генка задвинул шкаф; я поспешил к двери.

– Уф! Ноги промочила, – спасаясь от холодных капель дождя, мать, стряхнув зонтик, быстро заскочила в дом.

Вслед за ней напролом ввалился Женька и, насмешливо оглядев накинутое на мои плечи одеяло, безапелляционно заявил:

– Хватит мёрзнуть, братцы. Поехали похороны смотреть!

– А ты зачем ногой в дверь стукнула? – спросил я мать.

– В машине немец сидит. Водитель. Мало ли... вдруг

в дом запросится? Не дай Бог, Машу увидит, – пояснила она, вынимая из шифоньера черный траурный платок, – работникам управы велели в Преображенский собор явиться. Там Сциборского и Сенька хоронят. Герр Пройсс предоставил авто. Так что, если хотите, – поехали тоже. Только второй зонтик возьмите.

– Поехали, поехали, – бодро поддакнул Женька, – на улице теплей, чем в доме. И транспорт уже под окнами стоит.

– Нам бы Казика дождаться, – неуверенно ответил я, – он обещал прийти к десяти. А сейчас почти два.

– Думаю, он со Степаном. Твой дядя где-то краску вчера достал. Зеленую. Забор хотел покрасить. А тут дождь. Может, у Доминики заночевал, – предположила мать, – наверное, они уже возле церкви. Степан похороны не пропустит.

Пока мы с Генкой собирались, Женька, постучав пальцами по шкафу, позвал Машу и через стенку с ней немного поболтал; мать надела новый, купленный еще до войны и почти неношенный плащ из серого габардина; и наконец, по одному выскочив на улицу и забравшись в машину, мы покатали в церковь, молча прислушиваясь к звукам барабанившего по откидной брезентовой крыше неугомонного дождя.

Смешиваясь с шумом капели, со стороны Преображенского собора слышался мягкий колокольный перезвон. Богослужение, разрешенное немецкими властями и означенное крестным ходом, возобновилось всего несколько дней назад, и церковные колокола после двадцатилетнего

молчания запели вновь, создавая новую, ранее мне неизвестную мелодию, умиротворяющую своей спокойственной монотонностью. Такую я не слышал никогда.

Несмотря на непрекращающийся дождь, все пространство вокруг церкви было заполнено собравшимися на похоронную процессию траурно одетыми людьми. Тела уже были опущены в выкопанную возле входа в собор могилу, и длинная вереница выстроившихся в скорбную очередь мужчин и женщин, прощаясь с усопшими, ползла вдоль нее, наполняя горсть за горстью мокрой землей.

Мать взяла меня под руку и, укрывшись зонтом, мы пристроились в конец медленно продвигающейся колонны мрачно настроенных горожан. Женька и Гена под вторым зонтом шли вслед за нами. На ступеньках церкви, тщетно пытаясь перекричать колокольный звон, выступала до нитки промокшая женщина. Простирая руки к небу, она кричала: «Дорогие братья и сестры! Сегодня... с тяжелым сердцем и оцепеневшей душой... мы навсегда прощаемся с двумя лучшими сынами украинского народа, павшими от руки подлого диверсанта, чьи преступные выстрелы разорвали сердце родной Украине! Мы точно знаем, кто стоит за душегубом! Над свежей могилой... в твердой решимости... все мы, как один, присягаем добыть то, за что боролись славные паны Сенюк и Сциборский! Вечная им память!».

Я искал глазами Степана, но нигде не находил. Не мог же он похороны пропустить! Вся городская управа тут, а его

нет. Хотя столько народу натолкалось, что можно и не заметить. А Казик? Почему он не пришел? Или, может, что-то случилось?

Бросив горсть земли в могилу, мы обогнули собор и, перейдя трамвайные пути, вышли на Театральную улицу.

– Грыць! – крикнула мать проходившему мимо знакомому полицаяу, – ты Степана, брата моего, не видел?

– Нет. Сам удивляюсь. Все из нашего участка здесь, а его нет. Хотя, как начальник, должен был явиться.

– Странно... и где его черти носят? – обеспокоенно пробурчала мать. – Ладно, дождемся вечера. Может, объявится. А мне в управу возвращаться надо. И вы долго не шлэндрайте.

– Хорошо, мама, – кивнул я в ответ.

Немного проводив мать, мы вернулись и, прячась от дождя под одним зонтом на троих, заскочили во двор дома, где я в последний раз видел эсэсовского офицера.

– Вон его окна, – показал я Генке.

– Чьи? – недоумевая, спросил Женя.

– Пойдем за сапожной будкой на лавочку сядем, и я тебе все расскажу.

Внимательно выслушав, Женька напряженно замолчал, и на его лице отобразилось чувство неподдельного и нескрываемого страха. Или наш артист его мастерски изобразил.

– Он эсэсовец, и, скорее всего, служит в гестапо, – немного подумав, испуганным полусшепотом наконец заговорил

Женька, – а гестаповцы относятся с подозрением к каждому дважды встреченному ими человеку. Для них случайных встреч не бывает. Он видел тебя на месте убийства, потом на Михайловской, и вполне возможно возле своего дома тоже. Ты понимаешь, Коля, что будет, если ты еще хотя бы раз попадешься ему на глаза?

– Почему ты решил, что он из гестапо? – недоверчиво спросил я.

– Ты сказал, он вечером переоделся в штатское. А в штатском позволено ходить только сотрудникам гестапо! И то, – исключительно по служебной необходимости и с разрешения вышестоящего начальства! Ты понимаешь, куда лезешь? За простого немца сто человек расстреливают. А за него тут все пожгут! Все, кто живет в соседних домах, считай уже на том свете.

– Так в этих домах только немцы живут. наших людей из них давно выселили, – зло усмехнулся я.

– Они найдут, кого повесить, – вставил Генка, – за них не волнуйся.

– Да... слишком дорогая получается месть...

– Вот и я о том же! – Женька вздохнул с облегчением, видимо полагая, что сумел меня убедить. – Ты знаешь, Коля, я не трус. Ради того, чтобы вытащить Машу из гетто, я пошел на убийство. Но этим мы спасли конкретного дорогого нам человека. А кого мы спасем, если убьем гестаповца? Никого! На его место придут другие. Такие же, как он!

– Ладно, – соглашаясь, вздохнул я, – если уж убивать – то ради спасения, а не из-за мести. Оставим это на потом. А сейчас – валим отсюда. В другой двор. Не будем немцам глаза мозолить.

– Котёнок! Котёнок! – раздался за спиной детский голос, – куда пропал, непослушный?

Из-за сапожной будки выбежала маленькая девочка лет пяти-шести, в завязанном «по-старушечьи» крест-накрест на груди байковом платке и нарочито строго позвала своего питомца. За валявшимся неподалеку разбитым деревянным ящиком, испуганно подглядывая сквозь поломанные доски, притаился маленький несчастный котёнок. Его мокрая слипшаяся шерстка и дрожащее от холода тельце придавали ему совершенно беспомощный и жалкий вид. Мордочка и живот были грязно-белыми, уши и спина совершенно черными, а темное пятнышко над верхней губой добавляло некоторой комичности этому маленькому, напуганному первым в его жизни дождем существу.

– Ах, вот ты где, негодник! – девочка подняла бедного страдальца на руки и, повернувшись к нам, вежливо спросила, – можно я с вами под козырьком посижу, пока мама не вернется?

– А где твоя мама? – спросил я, усаживая ее на скамейку.

– К немецкому дяденьке пошла. За конфетками. А мне велела на лавочке под козырьком сидеть. Я всегда здесь сижу.

– За конфетками?

– И шоколадками тоже, – подтвердила она.

– Как же тебя мать одну оставляет? – недовольно пробурчал Генка.

– Я не одна. Дядя Петя за мной смотрит. Сапожник. Только его почему-то сегодня нет... и будка заперта...

– А этот дяденька, к которому твоя мама пошла, – он военный? – переглянувшись с друзьями, осторожно спросил я.

– Нет. Доктор. В госпитале работает, – крепко прижимая продрогшего котенка к себе, с готовностью ответила девочка, – он там всяких раненых лечит, а мама ему помогает.

– Твоя мама знает немецкий? – заинтересовался Женька. – Как они между собой разговаривают?

– Моя мама все знает. Она умная и красивая, – гордо, с детской непоколебимой уверенностью заявила малышка, – а доктор по-русски говорит.

Значит, не к гестаповцу пошла. Хотя, и так понятно. Им с местными женщинами путаться строго-настрога запрещено. «Ферботен», – на их, собачьем. Поэтому и бордель с арийскими девицами учредили. Женька говорил, немцам даже специальные талончики выдают. На посещение. Скидка в три рейхсмарки.

– А как котенка зовут? – полюбопытствовал Женька.

– Котёнок, – хитро улыбаясь, ответила девочка.

– Что? И даже имени у него нет?

– Есть, – проболталась она, – но сказать не могу. Мама

не разрешает.

– А если так? – Женька вытащил из кармана жестяную коробочку с леденцами, открыл ее и протянул малышке.

– Нет! – помотала головой она.

– Скажешь, как его зовут – всю коробку отдам!

Искоса взглянув на полную леденцов бонбоньерку, девочка, сдвинув брови, насупилась, крепче прижала котенка к себе и в замешательстве несколько раз передернула плечиками, будто бы убеждая саму себя ни за что не выдавать настоящее имя своего маленького друга. Разноцветные сладости, посыпанные белыми крупинками сахара, соблазнительно выглядывали из коробки, явно разжигая в малышке невыносимое желание поскорее ими овладеть. Взглянув на хитро улыбающегося Женьку, она беспокойно заерзала на скамейке и, наконец, не выдержав, сдалась:

– Только никому не говорите. Это секрет!

– Честное-пречестное слово, – прижав руку к сердцу, торжественно пообещал хитрец Женька.

– Ладно, – согласилась малышка, – я котенка возле маминого гошпиталья нашла. У него мордочка белая, шерстка на голове черная, а под носом пятнышко. Как усы у немецкого дяденьки на портрете. Мама сказала, того дядьку Гитлер зовут, и он у немцев самый главный «фуйер». Или как-то так. В общем, решила я котенка Гитлером назвать, чтоб он, когда подрастет, среди котиков и кошечек тоже самым главным был. Вот. А мама меня заругала. Сказала, за такое

могут заарештовать и в «гештапу» отвести. Но вы ведь не оттуда, правда?

– Нет, конечно! – нахмурившись, ответил Женька, протягивая коробку леденцов, – но ты все равно никому об этом не рассказывай. Хорошо? А то гестаповцы – они злые.

– Я знаю, – вздохнула девочка, – в этом доме живет один. На последнем этаже. Он моего котика сапогом побил. У него потом три дня лапка болела...

– Дверь налево или направо? – перебил я.

– Я еще не разбираюсь где лево, а где право. По лестнице последняя дверь. А перед ним злая тетка живет. Ни с кем не здоровается и не говорит. А еще в белом халате, как доктор, ходит. Разве бывают злые доктора? – недоуменно пожала плечами малышка, с наслаждением отправляя в рот сладкую конфету.

– Нина, ты где? – послышался молодой женский голос.

– Мамочка, я здесь!

Из-за сапожной будки выглянула красивая, со вкусом одетая и в меру накрашенная женщина лет тридцати. Она была совсем не похожа на тех вульгарно напмаженных девиц, которые парочками проплывали мимо моего дома в сторону Богунии, где терлись возле расположенных там казарм в надежде подцепить какого-нибудь словацкого или, на худой конец, немецкого солдата.

Словаки, забритые в вермахт почти насильно, воевать особо не стремились и после того, как под Киевом два пехот-

ных батальона отказались воевать против Красной Армии и со знамёнами сдались, остальных отогнали в тыл и расквартировали в казармах бывшего артиллерийского училища. Как сказал Степан: – для выполнения вспомогательных функций. Или же, говоря простыми словами, из словацких солдат наспех формировали строительные бригады и похоронные команды. Большого немцы им не доверяли.

Ко всему прочему словаки говорили на понятном языке и в отличие от немцев людей не обижали, – за что и снискали доброе расположение в глазах местных гулящих девиц. Но эта женщина, глядевшая на нас строгим недоверчивым взглядом, была решительно не похожа ни на одну из них.

– Добрый день, мальчики, – поздоровалась она.

– Здравствуйте. Мы тут за вашей дочкой присмотрели.

– Благодарю вас, – бросив беглый, слегка обеспокоенный взгляд на закрытую будку сапожника, сухо ответила незнакомка.

– Сапожника сегодня не было, – угадав ее мысли, сказал я, – но вы не волнуйтесь, с вашей девочкой все в порядке.

– Да-да, – подхватила маленькая Нина, – они меня конфетками угостили. Смотри! Леденцы! А шоколадку от доктора ты мне принесла?

– Конечно, милая, – рассеяно пробормотала молодая женщина и, обернувшись, с тревогой посмотрела в сторону дальнего подъезда, у которого стоял черный легковой автомобиль.

Двери подъезда неожиданно с грохотом распахнулись, – будто по ним ударили ногой, – и через какое-то мгновение на ступеньках появился немецкий офицер в расстёгнутом кителе и с красным от натуги лицом. В одной руке он нес швейную машину в деревянном футляре, в другой нечто похожее на антенну радиации, – так, во всяком случае, казалось издавleка. Забросив всё это в авто, немец вытер руки носовым платком, – уделив при этом особое внимание костяшкам пальцев, – затем застегнул китель на все пуговицы и, видимо дожидаясь кого-то еще, с удовольствием закурил. Ожидание его не утомило. Двери вскоре распахнулись вновь, и двое солдат вытолкали из подъезда сильно избитого человека со связанными за спиной руками.

– Это же сапожник дядя Петя! – прижав ладошки к щекам, вскрикнула девочка Нина.

– Пойдем, дорогая, – заторопилась мать Нины, – нам пора. Прощайте, мальчики.

Взяв дочь на руки, и прижимая ее к себе, быстрой походкой она поспешила покинуть двор. Незнакомка обернулась всего лишь раз, но и этого хватило, чтобы я смог заметить тревогу на ее лице. Кто она? И почему переживает за сапожника? Некому будет присмотреть за дочкой на время визитов к немецкому доктору? Но зачем девочку оставлять на улице? Почему не взять с собой? Волосы не растрепаны... помада не размазана... да и была она там минут десять. Не похоже, чтобы они занимались там тем, о чем я подумал сначала.

Ладно. Наверняка этому есть какое-то простое объяснение. А нам пора уходить. Дождь кончился и хорошо бы узнать, куда Степан с Казиком подевались. Это сейчас важнее.

Глава третья

– Степан Феодосиевич, смилуйтесь! Богом клянусь, – не хотел! Заставили меня! – из глубины полицейского участка натужным хрипом донесся умоляющий о пощаде голос.

Через секунду, прикрывая голову руками, на плац выскочил молодой, довольно высокого роста полицейский и, спотыкаясь на бегу, нырнул под деревянный, вкопанный в землю всеми четырьмя ножками уличный стол. За ним в расхристанной рубахе несясь разъяренный до бешенства Степан и, размахивая нагайкой, осыпал проклятиями насмерть перепуганного сослуживца. Неподалеку, поддерживая мать под руку, стоял Казик и злорадно ухмылялся.

– А ну вылезай, хриstopродавец! – кричал Степан, тарабаня нагайкой по столу. – Душу вытрясу! Думал, всё? Продал меня в гестапо – не вернусь больше? Паскуда! Зачем немцев к невинным людям привел? Они-то здесь причем?

– Так вас дома не было! – оправдывался загнанный под стол сослуживец. – Вот гестаповцы и приказали везти их к вашей полячке. Знали они про нее. Но не я им сказал. Клянусь! Как я мог отказать? Простите, Степан Феодосиевич!

– Ладно... вылезай. Два «горячих» всыплю, и можешь шевроны с моего пиджака на свой перешивать, – неожиданно смилостивился Степан, – ты теперь в участке главный.

– Это как же? – осторожно выковыриваясь из-под стола,

недоверчиво промямлил молодой полицай, – а вы?

– А что я? Я теперь в полиции не служу. Видишь, пистолет отобрали? Если б не отобрали, пристрелил бы тебя! – благодушно пригрозил вдруг неожиданно подобревший Степан и тут же не замедлил прихвастнуть. – Я теперь в управе гражданским гауптинспектором служить буду. Целую секцию мне доверили. Народонаселения и паспортной регистрации. Понял?

– Ух, ты! – с нескрываемым почтением заглянув Степану в глаза, удивленно воскликнул новоиспечённый оберассистент, – значит, в полицейском участке я теперь старостой буду?

– Ну да! Весь руднянский «полицай-ревивир»² теперь твой! Командуй! Словечко за тебя, где надо, я уже замолвил. Только ты не расслабляйся. Полицией распоряжаться я тоже полномочия имею. И вы мне всячески содействовать – *должны!*

– Не извольте беспокоиться, – польщенный нежданно-негаданным повышением новый полицейский староста послушно кивнул головой, – для вас – все, что угодно.

– То-то же, – пробурчал Степан и, повернувшись к нам, удивленно добавил, – а вы что здесь делаете?

– Так тебя искали, – ответил я, – странно было, что ты на похороны не явился. Вот и решили узнать, куда ты пропал.

– Эх... и не спрашивай... в гестапо сутки просидели!

² Polizeirevier (нем.) – Полицейский участок.

– Стёпа, – тихо перебила его пани Ковальская, – потом расскажешь. Ног не чувствую. Может, домой?

– У матери жар, – пояснил Казик, – мы в гестаповском подвале по колено в воде всю ночь простояли. Дождем на-текло. И холод там собачий. Хорошо, какой-то окруженец маме шинельку на плечи накинул. А то бы совсем околели, – Казик крепче сжал руку матери и, заметно тревожась, перевел взгляд на Степана. – Поедем уже, или как?

– Скорее, Стёпушка. Голова кружится, – слабеющим голосом тихо простонала пани Ковальская.

– Конечно-конечно! Я сейчас, Доминика. Айн момент! – Степан засуетился и, повернувшись лицом к молодому политицу, резко и нетерпеливо выкрикнул. – Юрко! Где мотоциклы?

– Так нет их, – виновато развел руками Юрко, – немцы весь наш транспорт еще вчера реквизировали. Для шуцманов из батальонной полиции. А те евреев оформлять поехали.

– Что значит «оформлять», – удивился Степан, – куда?

– Известно куда. В Богунский лес. В ямку. Немцы и приказ соответствующий вынесли. За убийство Сциборского и Сенька незамедлительно казнить четыреста еврейских бандитов. Так и написали: «Бандитов».

– Тю... а евреи тут причем?

– Ну... у немцев евреи всегда причем. Сами знаете, – покачал головой Юрко.

– Тогда давайте ко мне зайдем, – предложил Генка, – тут от Милицейского переулка до моего дома пять минут пешком. И капуста у нас есть. Бабушка Доминику Венцеславовну холодными листьями обложит, и те весь жар из нее вытянут.

– И то дело, – согласился Степан, поднимая пани Ковальскую на руки, – пусть баба Галя ее осмотрит.

Узнав, где Степан и Казик с матерью провели ночь, баба Галя заволновалась, велела обождать и в дом пока не входить. Убежав на кухню, она вскоре вернулась и, вручив нам огромную выварку для кипячения белья, властно приказала:

– Доминику я раздену сама, а вы – марш во двор! Костер разведите. И всю одежду с себя – долой! Ее хорошенько выварить надо. Нам только вшей из гестаповских подвалов не хватало!

Сырые после двухдневного дождя дрова никак не хотели разжигаться, и Степану пришлось бежать назад в полицейский участок, откуда он приволок доверху наполненный углем деревянный посылочный ящик и пачку газет «Украинское слово».

С газетами дело пошло быстрее, и уже через час Степан, босой и в одном исподнем, длинной палкой усердно перемешивал одежду в кипящей на огне большущей балье.

– Баба Галя права, – рассуждал он, – туда же кучу народу натолкали. Пленные для допроса; беженцы без документов; уголовники всякие. Вшей подхватить в два счета можно. Эх, не надо было Доминике шинель того солдата надевать.

Сколько он в ней по лесам шастал? Месяц? Два? И не стирался, небось. Вдруг шинелька заразная?

– Да брось ты каркать, Степан! Точно болезнь накличешь, – оборвал его Казик, сидевший на скамейке в одних трусах и сапогах, скрестив руки на груди и поёживаясь от холода, – простудилась мать. Вот и всех делов.

– А что же ты пани Ковальской пиджак свой не дал? – язвительно спросил я Степана.

– Так меня отдельно держали! – обиженно возмутился он, – неужели ты думаешь, я бы для Доминики пиджак пожалел!

– А с чего вас вообще в гестапо забрали?

– А вот это, Коля, отдельный и очень важный вопрос, – оглянувшись по сторонам, ответил Степан, – и тебя он тоже касается. Причем напрямую. Да и друзей твоих тоже. Ты им, наверное, про ряженного немца уже все начисто выболтал? Так?

– Ну, рассказал. ... Правду рассказал.

– А вот не надо было, – неодобрительно покачал головой Степан и, щелкнув языком, обеспокоенно добавил, – правда эта никому не нужна! Ни немцам, ни украинской администрации! А простым людям и подавно знать ее не надобно. Головой поплатиться можно. И это мне в гестапо сегодня утром весьма убедительно пояснили. После бессонной ночи в одиночной камере, да под крики людей из «пыточной». А Казика с матерью в завшивленный подвал бросили.

Это, чтоб я сговорчивее был.

– Подожди... а как немцы о тебе узнали? – удивился я.

– Сам виноват. Так же, как и ты, правду искать пошел.

На следующий день после убийства я к нашему руководству явился и все им выложил. Так, мол, и так. Надо бы солдата, который нападавшего застрелил, допросить, как следует. Неспроста он там был. Это хорошо, ума хватило промолчать, что мне доподлинно известно, – никакой он не солдат! Иначе пришлось бы объяснять, откуда я это знаю. А тебя впутывать не хотелось. Думаю, немца допросят, – может, он сам всё и расскажет. Меня похвалили, поблагодарили за бдительность, а на следующий день тепленьким прямо из постели вытащили. Заодно и Казика с матерью...

– Хорошее у вас руководство, дядя Степан, – язвительно заметил я, – своих в гестапо сдает.

– Да какое теперь руководство, – махнул рукой Степан, – Сциборского больше нет, и теперь все за его место собачатся. Без немцев шагу ступить бояться, – всё в рот им глядят. Такие вот интеграция и коллаборацьён.

– И что теперь? «Бандеровцев» виноватыми назначат?

– Выходит, что так, – кивнул Степан, – а тебе их жалко?

– Еще чего! По мне, так пусть немцы их всех передавят!

Я только песенку спою!

– Вот именно так я шефу гестапо и ответил, – подхватил Степан, подбрасывая хворост в огонь.

– А он что?

– А он морду скривил, будто бы наисердечнейше мне сочувствует, и через переводчика говорит: «Я вас, герр Янковец, прекрасно понимаю. Люди Бандеры на Волыни столько польских сел своевольно пожгли, что безнаказанным оставаться это более не может. А ведь нам известно, что ваша фрау полячка. Вы же хотите ее защитить?».

– А ты что?

– А что я? – надув губы, буркнул Степан. – Конечно, говорю, хочу. Только вот никакая она не полячка! Украинка она. Ополяченная!

– Это правда? – повернувшись к Казику, спросил я.

– Нет, конечно! – возмутился он, – мы поляки! С чего это вдруг ты нас в украинцы записал?

– Ты свою неуёмную польскую гордыню поумерь пока, – наставительно продолжил Степан, – я как-то пана Сциборского спросил: – вот вы, говорю, в листовках пишете, что в Украине одни украинцы жить будут. А как же русские и поляки? Куда им деваться? И вообще: люди говорят, что вы сами из польской семьи будете. Или, может, на вас враги наговаривают? А он на меня так хитро посмотрел и отвечает: «А нет в Украине никаких русских, и никаких поляков!». А потом добавил: – мол, когда здесь двести лет назад Польша была, многих простых украинцев польские паны насильно в католицкую веру перекрестили. И на родном языке говорить запретили. Только по-польски. Вот многие за это время и ополячились. Но на самом деле, по крови они самые, что

ни на есть настоящие украинцы. И с русскими та же история. Украинцы это. Только обрусевшие.

– Это же неправда! – Генка от души рассмеялся и в поисках поддержки своих слов вопросительно взглянул на Казика.

– Самая настоящая брехня! – не замедлив поддержать, возмущенно выпалил он. – Я поляк! И по крови, и по вере!

– Сам полагаю, что брехня, – согласился Степан, – но брехня нужная и очень даже полезная. Ты, Казьо, в душе хоть чертом будь, но на бумажке изволь мне украинцем записаться. А то, кто знает, что дальше будет. Вчера объявили, рейхскомиссаром Украины с первого сентября Эрих Кох назначен. А он поляков больше, чем евреев ненавидит. Вот и думайте, куда ветер дует. Как бы он после евреев за поляков не взялся. Пан Сциборский человек умный был и проницательный. Не зря он это сказал. Я его тогда не понял, но сейчас, когда поляков резать начали, – слова его стали мне совершеннейшим образом понятны.

– И в чем прок? – спросил молчавший до сих пор Женька.

– Вот! А это уже правильный вопрос, – заметив, что сумел нас заинтересовать, взбодрился Степан, – помощь мне от вас нужна. Расскажу по порядку.

Степан еще раз перемешал одежду в кипящей воде, подкурил папирску и уселся на лавочку рядом с нами.

– В общем, гестаповский шеф сказал, что он рад сложившемуся между нами взаимопониманию, и поэтому по ре-

комендации украинской администрации решено доверить мне важное поручение. Немцы затевают перепись населения провести. И новые паспорта всем выдать. Аусвайсы. Для этой цели в управе создается секция народонаселения и паспортной регистрации, начальником которой, как вы понимаете, предложено быть мне. Такой вот неожиданный поворот приключился, – озадаченно почесал затылок Степан, – я-то думал, – *всё!* – не выйду уже из гестапо. А меня вдруг в гражданские гауптинспекторы призывают.

– Кто же тебя туда порекомендовал? – поинтересовался я.

– Понятия не имею. Думаю, меня из криминальной полиции убрать решили. Чтобы нос свой не совал, куда не надо и про расследование убийства все больше не поминал. А Казика с матерью взяли, чтобы понятнее стало: гестапо не отказывают. Это толмач уже от себя добавил. Когда переводил...

– И ты согласился?

– А почему нет? – ответил Степан, – плохо от этого никому не станется. А может, даже, людей спасем.

– Хотите поляков украинцами записать? – догадался Женька. – Так они могут не захотеть.

– Вот тут-то мне и понадобится ваша помощь, – многозначительно повел бровью Степан, – насильно, конечно, никто никого другой национальностью записывать не будет. Но у людей подобное желание должно возникнуть самостоятельно.

– И каким же образом? – настороженно спросил я.

– *Пропаганда и слухи!* – вот что может нам помочь! Пан Сциборский сейчас в большом почете. Героем его считают. Великим борцом за освобождение украинского народа, что мученически пал от руки подлого бандеровского диверсанта! Если люди узнают, что Сциборский поляков и русских ополеченными и обрусевшими украинцами считал, его слову поверят! Да и почему ж не поверить? Кто знает, что там двести лет назад на самом деле происходило? Может, действительно, под гнетом польских панов украинцы повально ополечивались. А если, кто не поверит, – тот самый, что ни на есть, «бандеровский» пособник! «Бандеровцы» в это не верят, – вот и режут поляков! Поэтому украинцы должны с пониманием отнестись к тому, что их ополеченные братья и сестры хотят вернуться в лоно украинского народа. И эту мысль до людей надо донести. Этим я займусь. А среди местного населения слухи пустим. Страшные! Мол, немцы, когда с евреями покончат, за поляков примутся. И распространением этих страшных слухов я хочу, чтоб занялись вы. Убеждать, я думаю, особо не придется. Про резню на Западной Волыни уже и так все знают. А будут поляков в гетто загонять или нет, – мне это неизвестно. Однако вероятность такая присутствует, и предупредить о ней обязательно надо. Может, кому и поможем. Береженого Бог бережет.

– А Николай Орестович точно про поляков такое говорил? – недоверчиво взглянув на Степана, переспросил я.

– Говорил, не говорил, – не важно. С того света он нам не доложит, – ухмыльнулся Степан, – может, это я всё придумал. Однако людям это знать необязательно. Потому как все должны свято верить, что таковой была позиция самого пана Сциборского. А мне главное Казика и Доминику украинцами по новой переписи записать. А если, еще кому при том поможем, – считай, доброе дело сделали. Согласны?

– Ладно...

– Ну, вот и хорошо. Только времени у нас в обрез. Сегодня вторник, второе сентября, а перепись начинаем в следующий понедельник. К этому времени слухи по городу хорошо бы уже распространить. Ну, а к первому октября перепись должна быть завершена. Так что на все про все – один месяц.

– Справимся, – взглянув на друзей и, заручившись их молчаливым согласием, пообещал я Степану, – дело-то не хитрое, – ходи, да людей стражай. А там, пусть каждый за себя сам думает, кем ему записаться...

– Ну, вот и договорились, – одобрительно кивнул он, – и денег немного заработаете. Я вас счётчиками на месяц оформлю. Получите по триста пятьдесят рублей и карточки продуктовые.

– Не многовато будет? Полицаям, и тем меньше платят. А тут целых триста пятьдесят. Да ты криминальoberасистентом столько получал! – я удивленно уставился на Степана, чувствуя, что невольно краснею от горького осознания того,

что так позорно и постыдно я получу свою первую в жизни зарплату. Не так я себе это представлял...

– В финансовой секции решили по триста пятьдесят, – с безразличным видом пожал плечами наш новоиспеченный «пан начальник», – может, потому что работа временная или еще почему. Не знаю. А гауптинспектором я восемьсот получать буду.

– Так ты у нас теперь богатей? И даже деньги на выпивку клянуть не станешь? – язвительно ухмыльнувшись, спросил я.

– Хех! Да какой там богатей? – не уличив вопрос с подковеркой, Степан уныло вздохнул и с нескрываемой завистью добавил. – Вот бургомистру... тому тысяча двести платят!

– Да ты никак в бургомистры намылился? – внезапно не на шутку развеселившись, Казик захохотал и задиристо толкнул Степана плечом в грудь. – Еще вчера рядовым ходил, а сегодня... ну прямо из грязи в князья! Не больно падать будет?

– Ничего. Не расшибусь. Только особо говорить тут не о чем. На этом месте пан Павловский крепко сидит.

– А если мы его шлёпнем? – хитро прищурившись, Казик заглянул Степану в глаза. – Тогда что?

Глаза инспектора возмущенно расширились, правой рукой он схватил Казимира за ухо, больно его скрутил; а пальцами левой увесисто выписал звонкий щелбан.

– Я тебе шлёпну, бандюк малолетний! Совсем страх поте-

рял! Лупить тебя еще, и лупить! – разгневанно прошипел он.
– Да пошутил я! Пусти! Ну, честно! – Казик вырвался из цепких рук Степана, отбежал в сторону и, потирая покрасневшие ухо и лоб, несмотря боль, продолжил ехидно скалить зубы...

За спиной хлопнула дверь, и на улице появилась баба Галя с корзинкой в руках. Приблизившись к нам, она вытряхнула из нее одежду пани Ковальской, достала из кармана фартука ручную машинку для стрижки волос и, велев Степану и Казику сидеть смирно, аккуратно обстригла их наголо, оставив лишь небольшие, торчащие ёжиком чубы.

– Был наш хлопец польским гусаром, а теперь чубатый козак, – заливаясь смехом, Степан с силой потер Казика по коротко стриженным волосам, отчего тот грозно насупился и, оттолкнув новоявленного гауптинспектора, смачно сплюнул, всем своим видом выражая напыщенное недовольство и наигранное презрение...

Глава четвертая

Известие об очередной переписи населения горожане восприняли с недоверчивой осторожностью и некоторой опаской. Особенно поляки. Еще была свежа в их памяти перепись тридцать девятого года, после которой неожиданно и неизвестно куда стали исчезать люди. В то время в городе, откуда ни возьмись, появилось несметное количество «шпионов», «вредителей» и «диверсантов», и еще вчера, казалось бы, милые и приветливые соседи, сослуживцы, да и просто хорошие знакомые, сегодня вдруг оказывались саботажниками, белополяками или скрывающимися «бывшими». Почему-то половина из них, как выяснилось, были немцами или поляками, горько пожалевшими о том, что семью годами ранее при введении в новые паспорта графы «национальность» не назвали русскими или украинцами. Тогда можно было записаться кем угодно, поскольку ни в каких старых документах национальность раньше не указывалась. Только вероисповедание.

Тогда же за избиеение участкового Кошкина арестовали моего отца. Суд в простую драку не поверил, и его осудили за антисоветское нападение на представителя власти. Десять лет без права переписки. Вместе с осужденными поляками, немцами и другими, такими же бедолагами, как и он, поезд умчал его куда-то на Алтай, и с тех пор вестей от него не бы-

ло.

Теперь же наученные горьким опытом поляки не отвергали вновь появившуюся возможность записаться в новых документах другой национальностью, однако и не особо это приветствовали. Люди смотрели на нас с подозрением, но со двора не гнали. Распространять слухи оказалось непросто. Нам не доверяли. Под конец первого дня шатаний, затея Степана казалась обреченной на полный провал, и только внезапно пришедшая в голову Казика идея, возможно, еще могла исправить ситуацию.

– Дрянные из нас сплетники, – разочаровано пробубнил он, задрав голову вверх и уставившись на возвышающийся над кронами деревьев острый верх колокольни костёла Святой Софии, – ничего из этой затеи не выйдет. Мне самому она не нравится. Знаешь... записаться в чужую веру... это как самого себя предать. Ты думал об этом?

– Я думал о другом, Казик, – подбадривая друга, ответил я, – я думал о тех людях, которые в «Еврейских Домах» с голоду подышают. Как думаешь, – они бы дорого отдали за возможность сменить национальность? Полагаю, всё! Решительно всё! Только им такую возможность никто не предоставил. А если Степан прав? Что, если завтра в гетто загонят поляков? И тебя с матерью тоже? Как вас спасать? Так, как мы выкрали Машу, уже не получится! После двух конченных нами полицаев, немцы весь берег реки аж до самого Чудновского моста «колючкой» обнесли, и каменный брод

сами теперь охраняют. Шуцманам этот пост больше не доверяют. А кусты и деревья, в которых мы прятались, вырублены и сожгли! Теперь ближе, чем на сто метров к броду даже не подползешь!

– Я понимаю, – не отрывая глаз от колокольни, растеряно бормотал он, – только люди нам не верят. Думают, как говорит Степан, камуфлет это. Подвох какой-то. Может у Генки с Женей лучше получится. Женька умеет убеждать. Артист. Хотя... Костёл! – Казик внезапно воодушевился и несколько раз ткнул пальцем в сторону собора Святой Софии. – Там сейчас много людей собираются! И бабка Божена, первая сплетница на Малёванке, днем и ночью там торчит! Ей бы все это рассказать! Вот, если она в слухи поверит, – тогда, может, что-то и выйдет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.